

Т.П. Минченко

Преодоление влияния криминальной субкультуры на научное сообщество в эпоху постсекулярности¹

Статья посвящена некоторым аспектам криминализации сознания в научном сообществе в современную эпоху. Обращается внимание на необходимость адекватного определения криминальной субкультуры и отношения к ней для ее преодоления.

Ключевые слова: научное сообщество; постсекулярность; криминальное сознание; мировоззренческая свобода.

Изменение мировоззрения современного человека, в частности его правосознания, во многом обусловлено как историческими особенностями развития страны, так и формированием постиндустриального общества или общества постмодерна. В этом контексте, по мнению И.Л. Честнова, «принципиально важную роль применительно к правопониманию играет (постклассическая. — Т.М.) научная картина мира, определяющая его (правопонимания) исходные постулаты» [21: с. 157]. Кроме того, применительно к концепции права вызов постклассической научной картины мира предполагает «признание *многомерности права*, его *онтологическую диалогичность*, включающую взаимообусловленность трех основных измерений правовой реальности — нормы права, ее восприятия правосознанием и реализации в правовом поведении» [21: с. 160].

Дополняя эту точку зрения, отметим, что не меньшее значение для формирования мировоззренческой идентичности современного человека и его правосознания имеет становление постсекулярности.

В настоящее время понятие постсекулярности активно обсуждается как в научной среде, так и вне ее. Издаются обзорные сборники, представляющие попытки всестороннего исследования постсекулярного [25]. Автором выделены основные подходы к трактовке понятия постсекулярности [12: с. 153–157].

Кратко определим постсекулярный мир как новое пространство, в котором уже не действуют прежние правила модерна, в том числе в связи с окончанием доминирования секулярных идеологий XX века, трансформацией

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, направление деятельности «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований с привлечением молодых исследователей», проект № 15-18-10002.

религиозности и ее упрощением до образа жизни, а также заменой антирелигиозной светскости – конструктивной. Анализ социокультурных оснований современного общества, рассматриваемый в системе координат «традиционное – индустриальное – постиндустриальное», органично дополняется новой системой координат «религиозное – секулярное – постсекулярное».

Постсекулярная эпоха начинается параллельно с постмодернистской эпохой, одной из существенных особенностей которой было преодоление просвещенческого отношения к религии, связанного с идеей изживания последней как конкурента секуляризма. Постмодернистское сознание, выступая против авторитарности и тоталитарности религии, изменяет представление Нового времени и эпохи Просвещения о том, что религия прежде всего предназначена для подавления человека, поскольку трактует религию не как социальный институт или тоталитарную идеологию, а выявляет в религиозности свободу. Тем самым европейская культурная традиция входит в постсекулярную эпоху, которая по-новому соотносит понятия науки и религии.

С одной стороны, само понятие культуры, исторически ведущее начало от секуляризирующихся форм культа, заменяется понятием социокультурного пространства, диалогичности и полифонии, а не монологичности.

С другой стороны, это плюралистичное пространство новых форм религиозности насыщено разнообразными симулякрами [2], усугубляясь ситуацией кризиса идентичности традиционных религий, а также кризиса мировоззренческой идентичности в целом [13: с. 156–163].

Постсовременные элиты, особенно в европейской культуре, формируются вне идентичности, задаваемой религиозным или этническим фактором. Вопрос о своей идентичности возникает в настоящее время у многих людей — особенно у тех, кто оказался за пределами своей исторической родины, в иных культурных условиях, у кого члены семьи придерживаются разных мировоззрений или вер. Вследствие этого наблюдается слабо выраженная коллективная идентичность современных либеральных обществ.

Такие черты характерны и для российской культуры, хотя в меньшей степени отрефлексированы в сравнении с европейской культурой.

Еще одной существенной особенностью современного российского общества вследствие деформаций правосознания, обусловленных историческими и социокультурными условиями российского и советского общества, катализированных коренными трансформациями последних десятилетий, является беспрецедентный рост преступности, повлекший за собой криминализацию мировоззрения и общественных отношений, так или иначе затрагивающую все слои российского общества, в том числе и научное сообщество [7; 9].

Как отмечает Ж.Т. Тощенко: «Криминальное перерождение общества становится реальной угрозой, которая может перерасти из сферы криминологической, правоприменительной в политическую, затрагивающую не только судьбы государственности, но и жизнь всего российского социума» [17: с. 235]. Такой характер изменений связан, в первую очередь, с криминализацией элит.

При этом если к анализу современной действительности применить адекватный ей метод постклассической теории права, то «право с точки зрения критического дискурс-анализа не есть некая объективная данность, а представляет собой результат активной деятельности господствующей социальной группы по формированию образцов юридически значимого поведения и убеждению населения в необходимости его воспроизведения» [20: с. 72].

В начале XXI века основной тенденцией в России стало возвращение авторитарной модели, характерной для российской самодержавной «матрицы» и тюремной культуры. Этой модели свойственны жесткая иерархия, привилегированность и безнаказанность лидеров, корпоративная солидарность внутри элит, а также существование неформальных принципов работы государства, противопоставленных праву (жить не по законам, а «по понятиям»). В этот неписанный кодекс включаются понятные нормы и правила поведения, решения конфликтов в сообществе заключенных, переносимых и на условия воли. Официальное право подстраивается под текущие интересы правящего класса, т. е. его основная функция — формализация кулуарно принимаемых решений.

Выделим ключевые признаки, характерные для криминализации сознания, и мировоззренческие основания, которые служат апологетикой криминальной позиции. Как отмечает профессор И.М. Мацкевич: «Криминальное общественное сознание... представляет собой специфические антикультурные воззрения индивидуумов, вовлеченных в криминальные отношения, их влияние на окружающую действительность, способы и виды выживания в этой действительности... Одним из центральных элементов криминального общественного сознания является преступность»².

Согласно определению современных постмодернистских источников «криминальное сознание — совокупность психических, волевых, ментальных свойств, позволяющих индивиду противопоставлять общепринятой системе морально-правовых ценностей альтернативную иерархию ценностей и норм»³.

Аргументация криминального сознания разворачивается в двух направлениях: это деструкция традиционных культурных нормативов, убирающая с преступного пути все препятствия религиозного, этического и правового характера, и обоснование собственных неправовых «понятий».

Онтологическое понимание мира у человека с криминальным сознанием связано с отсутствием объективных и общечеловеческих нормативных начал бытия, со смысловым вакуумом и бессмысленностью существующего, что ведет к представлению о вседозволенности. Истоки этой позиции выражает Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы

² Мацкевич И.М. Общественное сознание и преступность. URL: http://opus.kobv.de/ubp/volltexte/2013/6771/pdf/sdrs03_s167_178.pdf (дата обращения: 20.02.2015).

³ Зорин В. Евразийская мудрость от А до Я. Толковый словарь (Создiк-Словарь, 2002). URL: http://eurasian_wisdom.academic.ru/477/криминальное_сознание (дата обращения: 20.02.2015).

продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия» [8: с. 76].

Еще одна особенность криминального понимания бытия заключается в представлении об изначальной искаженности мира и относительности Добра и Зла. Отсюда вытекает циничное, вызывающее пренебрежительное отношение к нормам общественной морали и благопристойности, к культурным ценностям. Такое мировоззрение воспринимает нравственные правила как мешающие решению практических задач, отрицает сочувствие, жалость, стыд и подобные «избыточные» чувства.

С этим связаны антропологические представления о принципиальном антропологическом несовершенстве человека, о природных, социальных и метафизических причинах, с неизбежностью толкающих его на преступление границ, представления о существовании особого рода людей с выдающимися интеллектуально-волевыми качествами, превосходящих обычных людей и в силу этого имеющих право нарушать общепринятые нормы морали и права. Постмодернизм вводит также понятие трансгрессивности, не позволяющей человеку существовать только в пределах социальных нормативов и постоянно провоцирующей его на нарушения существующих нравственно-правовых запретов.

Широкое распространение криминальной субкультуры в различных слоях общества имеет своими истоками, с одной стороны, то обстоятельство, что в советские годы через тюрьмы и лагеря прошла огромная часть населения, которая по возвращении оттуда вынесла особую лексику и свод «законов», заполнивших собой мировоззренческую пустоту после распада СССР, ставших интегральной составляющей общественной и политической культуры, а для многих людей своего рода жизненным кодексом.

С другой стороны, репрессирующий так же несвободен, как и тот, кто подвергается репрессиям, неся на себе черты тех же «родимых пятен» авторитаризма, что на основе разностороннего исследования демонстрирует М.С. Восленский [4].

Распространенность криминальных правил и лексики в российской культуре показывает живучесть авторитарной мировоззренческой матрицы, которая не была разрушена с распадом СССР, а возродилась в форме «понятий» на рубеже XX–XXI веков.

Для жизнеспособности криминальной культуры в России само число заключенных не является определяющим фактором, тем не менее резкое увеличение масштаба репрессий в сталинский период, когда тюрьмы и лагеря стали «университетами» для более чем 10 миллионов человек, не могло не оказать существенного влияния на развитие культуры в дальнейшем.

Значительную часть репрессированных представляли ученые и техники, причем если поначалу инакомыслящих увольняли с работы и изгоняли из научных сообществ, то в тридцатые годы их уже арестовывали и расстреливали. После Великой Отечественной войны счет репрессированных ученых только из числа представителей естественных наук шел уже на тысячи. Как правило, это были безвозвратные потери, поскольку даже если ученый и не был

расстрелян, то долгие годы, проведенные им в лагерях, вели к профессиональной дисквалификации. Исчезали не только тысячи талантливых и невиновных людей, но и академические институты и целые области науки [5; 10].

Еще одним «ноу-хау» советской власти стали так называемые шарашки, как на жаргоне называли НИИ и КБ тюремного типа, подчиненные НКВД СССР, а с 1946 года — МВД СССР, в которых работали заключенные ученые, инженеры и техники. Через шарашки прошли выдающиеся советские ученые и конструкторы: С.П. Королёв, Н.Н. Поликарпов, Б.С. Стечкин, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.Н. Туполев и многие другие [11; 16].

Масштабы репрессий и непосредственного столкновения ученых с чуждым им криминальным миром были таковы, что только из членов Академии наук было репрессировано в той или иной форме более 200 человек, в том числе и лауреатов Нобелевской премии (Л. Ландау, И.Е. Тамм, А.Д. Сахаров), из разных областей науки: специалисты в области радиотехники и кибернетики А.И. Берг и А.Л. Минц, историки М.М. Богословский и С.К. Богоявленский, экономисты Н.И. Бухарин и Р.С. Левина, ботаник, географ и генетик Н.И. Вавилов, философы Б.М. Гессен и А.Г. Спиркин, языковед В.М. Жирмунский, филолог и историк Г.А. Ильинский, историк А.А. Кизеветтер, генетик и зоолог Н.К. Кольцов, востоковеды Н.И. Конрад и И.Ю. Крачковский, физиологи Е.М. Крепс и В.В. Парин, биохимик Я.О. Парнас, литературовед Д.С. Лихачев, филолог Г.Ф. Церетели и многие другие [15; 18; 24].

Российские и зарубежные исследователи подчеркивают явление призонизации — сохранение бывшими заключенными привычек и норм поведения, принятых в местах лишения свободы, снижающее способность этих людей к жизни в обычном обществе. Д. Клеммер, одним из первых описавший это явление, подчеркивает стремление тюремной культуры к самовоспроизведению и доказывает, что тюрьма, скорее, способствует дезадаптации и служит школой преступности, чем исполняет функцию ресоциализации и переобучения [22].

Это явление четко индексируется в языке. М.А. Грачев отмечает, что впервые жаргон, бывший достоянием только преступного сообщества, широким потоком хлынул в русский язык после 1917 года. Часть населения (в том числе студенты) считала блатной язык пролетарским и противопоставляла его буржуазному (нормированному) языку [6].

С начала 1990-х годов, с коренными изменениями во всех сферах жизни общества, одновременно с волной криминализации, в публичную сферу пришел тюремный и воровской жаргон, что многократно усилилось возможностями средств массовой информации и Интернета. Средствами искусства начинает внедряться героизация и романтизация уголовного мира, делящего членов общества на суперменов (уголовников) и людей низшего сорта. «При этом действует так называемый принцип пирамиды, когда ненормативная лексика спускается от вершины к основанию и человек, услышав тюремное слово по радио, телевидению, прочитав в газетах или журналах, начинает бездумно употреблять его в своей речи. Заговорили на блатном языке политики и журналисты» [6].

Характерные черты криминальной субкультуры, широко распространяющиеся в разных слоях общества, изменения в языке затронули и часть научного сообщества. В качестве примера можно привести использование некоторыми представителями научного сообщества ненормативной лексики и терминов уголовного жаргона, особенно в ситуациях, когда речь идет о распределении властных полномочий или финансирования. Применение закона как средства обоснования незаконных, по существу, действий. Нетерпимость к мировоззренческой свободе, рейдерские захваты чужой собственности и перераспределение в свою пользу финансовых потоков, клановая поддержка своих и задействование методов, «выходящих за рамки научной дискуссии», преследование тех, кто отстаивает принципы научной дискуссии и правозаконности, что испытала на своем примере и автор со стороны «организованной научной группы». Первоначально ее члены пытались воспрепятствовать защите докторской диссертации автора на тему свободы совести, а затем, когда защита все же успешно состоялась, содействовали назначению одного из своих членов на руководящую должность в местном подразделении Академии наук (с существенными нарушениями процедуры выборов) и незаконному увольнению автора после защиты диссертации с единственного места работы [14: с. 83–84].

Благодаря солидарным действиям здоровой части научного сообщества явные нарушения удалось преодолеть, но утверждение принципов правозаконности требует системной согласованной деятельности как в концептуальном, так и в практическом плане. В последнем большую роль играет солидарность ученых, которая всегда была действенной, даже в самые опасные времена, примером тому служит поддержка академиками своих коллег в период сталинских репрессий [1: с. 530–536].

В противодействии распространению криминального сознания эффективным методом является адекватное определение понятий, приводящее к развенчанию ложной романтизации уголовного мира, а также личное неучастие в сознательном искажении действительности в целях получения выгоды, т. е. во лжи, что не требует от человека выдающихся подвигов, как это обосновывает А.И. Солженицын в известном обращении «Жить не по лжи!»: «Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несет, и кричит: “Я — Насилие! Разойдись, расступись — раздавлю!” Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе, и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, — непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием. И не каждый день, не на каждое плечо кладет насилие свою тяжелую лапу: оно требует от нас только покорности лжи, ежедневного участия во лжи — и в этом вся верноподданность. И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!»⁴.

⁴ Солженицын А.И. Жить не по лжи! URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/jzit_ne_po_ljzi.pdf (дата обращения: 20.02.2015).

Не менее действенное средство — очищение языка, т. е. отказ от употребления криминальных понятий, продвижение «великого и могучего» русского языка, точно определяющего суть явлений, называние вещей своими именами. В этом как раз помогает научное сознание, выражаясь словами М. Вебера, наука есть «расколдование мира» и внесение ясности в головы людей [3: с. 713–714].

Действенным научно-теоретическим способом преодоления криминального сознания служит также концептуальная проработка понятия правозаконности в современных условиях как альтернативы цинизму и нигилизму криминальности.

Востребованы и актуальны в этой связи идеи либеральной философии права П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, И.А. Ильина и других отечественных мыслителей данного направления.

Для переосмысления понятия законности в постсекулярном мире особое значение имеют концептуальные разработки понятия правозаконности (rule of law) зарубежных правоведов либерального направления А.В. Дайси, М. Оукшота, Ф.А. Хайека. Как убедительно показывает Хайек, «... концепция правозаконности является не только щитом свободы, но и отлаженным механизмом ее реализации» [19: с. 124].

Литература

1. Академики в защиту репрессированных коллег // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 6. С. 530–536.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
3. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Наука, 1990. С. 713–714.
4. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Октябрь: Сов. Россия, 1991. 624 с.
5. *Гранин Д.* Зубр. Л.: Сов. писатель, 1987. 288 с.
6. *Грачев М.А.* Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.
7. *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
8. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом. Ч. I–II. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1984. 352 с.
9. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
10. *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.
11. *Копелев Л.* Марфинская шарашка // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 73–96.
12. *Минченко Т.П.* Развитие права свободы совести в постсекулярном мире // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: мат-лы Межвузовск. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского (Москва, 26 апреля 2012 г.). М.: АППКиПРО, 2012. С. 153–157.
13. *Минченко Т.П.* К вопросу о мировоззренческой идентичности в связи с проблемой свободы совести // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты

и юридическая практика: мат-лы ежегодной Всерос. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского (Москва, 24 апреля 2014 г.) / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: МГПУ, ЦОЗ, 2014. С. 156–163.

14. Права человека в Российской Федерации: доклад о событиях 2012 года. М.: МХГ, 2013. 264 с.
15. Репрессированная наука / под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. 559 с.
16. *Солженицын А.И.* В круге первом. М.: Современник, 1991. 732 с.
17. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 400 с.
18. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. 253 с.
19. *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. 172 с.
20. *Честнов И.Л.* Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». № 1 (13). 2014. С. 67–75.
21. *Честнов И.Л.* Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 157–162.
22. *Clemmer D.* The Prison Community. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 313 p.
23. Exploring the Postsecular: the Religious, the Political and the Urban / Ed. A. Molendijk, J. Beaumont, C. Jedan. Leiden, Boston: Brill, 2010. 406 p.
24. IN MEMORIAM: историч. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб.: Феникс; Athenium, 1995. 452 с.
25. The Post Secular in Question: Religion in Contemporary Society / Ed. Ph. Gorski. N.Y., London: New York University Press, 2012.

Literatura

1. Akademiki v zashhitu repressirovanny'x kolleg // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2002. T. 72. № 6. S. 530–536.
2. *Bodriyyar Zh.* Simulyakry' i simulyaciya. Tula: Tul'skij poligrafist, 2013. 204 s.
3. *Veber M.* Nauka kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbranny'e proizvedeniya. M.: Nauka, 1990. S. 713–714.
4. *Voslenskij M.* Nomenklatura. Gospodstvuyushij klass Sovetskogo Soyuz. M.: Oktyabr': Sov. Rossiya, 1991. 624 s.
5. *Granin D.* Zubr. L.: Sov. pisatel', 1987. 288 s.
6. *Grachev M.A.* Intervenciya kriminal'nogo yazy'ka // Nauka i zhizn'. 2009. № 4. S. 128–132.
7. *Dolgova A.I.* Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshhestvo. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya, 2003. 572 s.
8. *Dostoevskii F.M.* Brat'ya Karamazovy': roman v 4 ch. s e'pilogom. Ch. I–II. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1984. 352 s.
9. *Zaslavskaya T.I.* Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: Social'ny'j mexanizm transformacii. M.: Delo, 2004. 400 s.
10. *Kolchinskij E.I.* Biologiya Germanii i Rossii – SSSR v usloviyax social'no-politicheskix krizisov pervoj poloviny' XX veka (mezhdru liberalizmom, kommunizmom i nacional-socializmom). SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. 638 s.
11. *Kopelev L.* Marfinskaya sharashka // Voprosy' literatury'. 1990. № 7. S. 73–96.
12. *Minchenko T.P.* Razvitie prava svobody' sovesti v postsekulyarnom mire // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: mat-ly'

Mezhvuzovsk. nauchn. konf. pamyati prof. F.M. Rudinskogo (Moskva, 26 aprelya 2012 g.). M.: APPKiPRO, 2012. S. 153–157.

13. *Minchenko T.P.* K voprosu o mirovozzrencheskoj identichnosti v svyazi s problemoj svobody' sovesti // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: mat-ly' ezhegodnoj Vseros. nauchn. konf. pamyati prof. F.M. Rudinskogo (Moskva, 24 aprelya 2014 g.) / pod obshh. red. D.A. Pashenceva. M.: MGPU, CzOZ, 2014. S. 156–163.

14. Prava cheloveka v Rossijskoj Federacii: doklad o soby'tiyax 2012 g. M.: MXG, 2013. 264 s.

15. Repressirovannaya nauka / pod obshh. red. M.G. Yaroshevskogo. L.: Nauka: 1991. 559 s.

16. *Solzheniczy'n A.I.* V krughe pervom. M.: Sovremennik, 1991. 732 s.

17. *Toshhenko Zh.T.* Paradoksal'ny'j chelovek. M.: Gardariki, 2001. 400 s.

18. Tragicheskie sud'by': repressirovanny'e ucheny'e Akademii nauk SSSR. M., Nauka, 1995. 253 s.

19. *Xaiek F.* Doroga k rabstvu. M.: E'konomika, 1992. 172 s.

20. *Chestnov I.L.* Kriticheskij diskurs-analiz kak metod postklassicheskoy teorii prava // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». № 1 (13). 2014. S. 67–75.

21. *Chestnov I.L.* Postklassicheskoe pravoponimanie // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2010. № 5. S. 157–162.

22. *Clemmer D.* The Prison Community. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 313 p.

23. Exploring the Postsecular: the Religious, the Political and the Urban / Ed. A. Molendijk, J. Beaumont, C. Jedan. Leiden, Boston: Brill, 2010. 406 p.

24. IN MEMORIAM: istorich. sb. pamyati F.F. Perchenka. M., SPb.: Feniks; Atheneum, 1995. 452 c.

25. The Post Secular in Question: Religion in Contemporary Society / Ed. Ph. Gorski. N.Y., London: New York University Press, 2012.

T.P. Minchenko

Overcoming the Impact of Criminal Subculture on the Scientific Community in the Era of Postsecularity

The article deals with some aspects of the criminalization of consciousness in the scientific community in the modern era. A special attention is drawn to the need for adequate definition and attitude to the criminal subculture to overcome it.

Keywords: scientific community; Postsecularity; criminal consciousness; worldview freedom.